

# Политическая теория как «практичное» знание

Алексеева Т. А.

---

*В статье рассматриваются проблемы «практического» применения политической теории и политической философии, ее место в структуре познания политического. Особое внимание уделяется проблеме «практичного знания» (Usable knowledge), а также его релевантности. Различие между обычным политическим теоретизированием и «практичным знанием» заключается в цели исследования, а отнюдь не в методах или способах артикулирования. Актуальность задачи приобрела особое значение в связи со сложившейся за последние годы недооценкой значения политической теории как для реальной политики, так и процесса политологического образования.*

---

Политическая теория в России сегодня переживает не лучшие времена, пытаюсь увернуться от целого ряда «айсбергов», грозящих самой возможности нагруженного идеями кораблю мировой политической мысли оставаться на плаву. Широко распространившийся дилетантизм в политике требует упрощения знания, легко откликается на всевозможные слоганы и клише, коверкает понятия и агрессивно не приемлет высокой абстракции и достаточно сложного научного языка, подменяя его своего рода политическим «новоязом». Все должно быть просто, доступно, понятно той самой «кухарке», применимо здесь и сейчас, а главное — легко продаваемо на рынке услуг. Между тем, это глубокое заблуждение.

Нисколько не умаляя значения всевозможных курсов по PR, GR, политическому менеджменту и другим прикладным дисциплинам, все же подчеркнем: прежде чем что-то прикладывать, следует иметь то, что прикладывать. Речь идет о навыках политического, в том числе, абстрактного мышления, о владении методологией, умении опираться на опыт прошлого и идти дальше, не ограничиваясь копированием чужих образцов, разработанных в применении к другим обществам и другим условиям. Сформировать же «то, что прикладывают», может только политическая теория (философия). Здесь нужны ее мысленные эксперименты, культура научного диалога, умение не ограничиваться только дескриптивным описанием, часто идти вопреки устоявшимся представлениям, т.е.

быть «неудобной» и «непослушной». «Я думаю, что сама свобода реализуется в полном освобождении, только не от служб безопасности и не от карательных органов, а от шаблона вульгарного политического мышления, из которого 90 процентов «политически мыслящего» населения не может выйти», — пишет известный российский философ Александр Пятигорский<sup>1</sup>.

Проблема эта не нова и отнюдь не ограничивается духовным пространством нашей Родины. В конце концов, мы живем в обществе потребления, массовой культуры, глобализации и искаженной в постмодернистском зеркале рациональности. Однако, если на Западе занятие политической философией по-прежнему считается в среде политологов весьма respectable, если не элитарным, то у нас это чуть ли не секта, объединяющая обитателей «башни из слоновой кости», далеких, как считается, и от практических потребностей дня и, что греха таить, от необходимой доли пирога в сетке часов, если говорить об учебных планах вузов. Причем в последнем случае политическая теория подменяется либо историей политических учений, нередко знакомящих студентов с учениями великих политических мыслителей прошлых веков как с «музейными экспонатами», либо планируется на первых курсах, когда у студентов еще нет ни надлежащего уровня абстрактного мышления, ни должной эрудиции для понимания связи вещей. Как следствие диалог подменяется изложением основных положений теорий или биографий мыслителей.

---

Алексеева Татьяна Александровна — доктор философских наук, профессор, зав. Кафедрой политической теории МГИМО(У) МИД РФ, заслуженный деятель науки РФ, e-mail: ataleks@mail.ru.

Так ничего и не поняв, будущий выпускник на всю жизнь усваивает, что это зря потраченное время, не имеющее никакой практической пользы.

Между тем, классик не случайно пришел к выводу о том, что нет ничего более практичного, чем хорошая теория. Можно привести множество аргументов в защиту этого тезиса, но мы ограничимся хотя бы двумя. С одной стороны, как писал об этом еще Джон Стюарт Милль, при отсутствии серьезной дискуссии по базовым принципам, даже наиболее фундаментальные идеи оказываются подверженными дегенерации, превращаясь в обыденные догмы, заучиваемые, но не понятые. Всякий ответ ни критику предполагает переосмысление аргументов и осознание смыслов. Поэтому, по его мнению, даже обсуждение конституционных принципов открывает больше возможностей, чем содержит угроз. Во-вторых, если мы все же хотим, чтобы политика равно как и наука сохранялись и не были подменены верой или идеологией, совершенно необходимо пространство открытой конкуренции идей и рассмотрения социальных альтернатив.

Практичность политической теории заключается не только в возможности реального применения «осознанной методологии» при подготовке научной работы, вместо простого перечисления в автореферате известных автору методов исследования (что грех таить, это довольно типичная ситуация). Не только в осмыслении понятий и концепций, позволяющих увидеть их ложные интерпретации, получившие широкое распространение. Не только в привнесении моральной составляющей в реальную политику. Не только в формулировании гипотез должного, противостоящего сущему, без чего невозможно какое-либо поступательное развитие общества вообще. Значение её заключается в том, что политическая теория (философия) сегодня — это именно «практичное» знание<sup>2</sup>. Пережив болезненный период отступления во времена господства позитивизма, политическая теория в мировой политической науке предстает сегодня как востребованный, процветающий, более того — базовый предмет политологического образования, а политическая философия — как «предмет, направленный на то, чтобы объяснять, обосновывать (узаконивать) и критиковать распределение власти в обществе»<sup>3</sup>.

Наверное, здесь необходимо напомнить о сходстве и различии политической теории и политической философии, а также о политической науке как дисциплине познания мира политического. Попытки научного осмысления политической реальности явились ответом на интеллектуальный вызов: на определенном этапе развития всякого общества обнаруживается, что изменения идут отнюдь не в соответствии со сложившимися представлениями о политике. Политология, собственно, и зародилась в качестве стремления понять и описать то, как дела обстоят в действительности. Тем не менее, необходим

был стержень, вокруг которого мог бы быть организован эмпирический материал, сгруппированы факты, определен язык описания. В качестве такого стержня и выступает политический идеал. Благодаря этому возник единый эпистемологический комплекс, включающий в себя политическую науку или политологию (описание конкретных политических практик и институтов), политическую философию (рассуждения о природе политического, о целях и основаниях бытия человеческих сообществ, об идеалах политической организации), политическую этику, политическую психологию<sup>4</sup>. Часто в политологию включают две (реже три) субдисциплины — политическую науку (политологию, как ее называют в России), политическую теорию, а также политическую философию.

Долгое время для этого эпистемологического комплекса было характерно неразрывное единство представлений о должном и сущем. Его разделение произошло только благодаря Н. Макиавелли — родоначальнику новой европейской политической науки. Лео Штраус, тем не менее, подчеркивал, что Макиавелли создал «нормативное учение», а не дескриптивную науку. Великий итальянец писал о том, что мораль возможна лишь только после того, как для нее созданы условия, но эти условия созданы морально быть не могут. Отсюда — необходимость изучения и моральных норм, и неморальных методов создания условий реализации морали. С некоторой долей условности можно сказать, что с этого момента, собственно, и начинается самостоятельная, раздельная история политической философии и политической науки.

По мнению ряда авторов, корни политической науки лежат в эмпирицизме XVII века. Само по себе слово «наука» (science) относилось к средствам обретения знания через наблюдение, эксперимент и оценку. «Научный метод» включает в себя проверку гипотез с помощью обращения к эмпирическим фактам, обычно через многократное повторение экспериментов. Почти неоспоримый статус, который наука приобрела в условиях Современности, основывается на ее претензиях на объективность и ценностную нейтральность, что позволяет ей считаться единственным надежным средством постижения истины. Политическая наука носит эмпирический характер, она стремится четко и беспристрастно описывать, анализировать и объяснять принципы правления, деятельность политических институтов, политические явления и процессы.

В своей знаменитой работе «Что такое политическая философия?» Лео Штраус указал на то, что интеллектуальная ясность требует различения между политической наукой и политической философией. Аналогичным образом, необходимо осознавать разницу и между мышлением и открытием, между философией и наукой. Лео Штраус более того даже утверждал, что научная политология фактически несовместима с политической философией<sup>5</sup>. По его мнению, именно потому, что исследователи политической науки не

занимаются политической философией, существует непризнанная лакуна в правильном понимании дел человеческих. Быть «ценностно-нейтральным», на что претендует политическая наука, означает не до конца понимать то, что исследуется, что должно быть познано.

Именно поэтому Штраус думает, что политическая философия, которая смотрит на реальность, известную нам благодаря практической науке и деятельности, через ценности, через идеалы и нормативные принципы, не совместима с современной социальной наукой. Представитель социальных наук изучает общество людей. Если он хочет быть лояльным по отношению к этой задаче, он никогда не должен забывать, что имеет дело с делами человеческими, с людьми, — Штраус объясняет в эссе «Социальная наука и гуманизм». — Он должен рефлексировать именно как человек, то есть это некая форма самопознания. Однако, это не просто рефлексия политической действительности и политической практики. Полис, полагает Лео Штраус, должен выйти за пределы самого себя, или, лучше сказать, его содержательное бытие имеет цели, реализуемые через выход за пределы политического, то есть через обращение к высшим ценностям. Политическая философия, таким образом, возвращает нас к истинному бытию полиса по отношению к человеку и его собственной судьбе.

Если политическая наука связана с конкретным обществом и эпохой (можно, например, говорить о современной политической науке США, Великобритании, Германии, Франции, Италии и т. д.), то политическая философия — шире пространственных ограничений и временных рамок ныне живущего поколения, она охватывает гораздо более длительный исторический опыт и качественно различные традиции мышления. Иными словами, политическая философия абстрагируется от эмпирического знания, но вечно возвращается к нему, питается им и одновременно воздействует на него (хотя и крайне редко непосредственно). Этот вечный кругооборот спасает политику от двух угроз, ежеминутно нависающих над ней:

- от опасности наложения на политическую реальность некоей универсалии, выведенной в иных исторических и социальных обстоятельствах, что неизбежно, если отказаться от политической философии и ограничиться только политологией;
- опасности мелкотравчатой рефлексии, не позволяющей вырваться из цепких объятий текущих событий и поверхностных возмущений.

Сложнее взаимосвязь между политической теорией и политической философией. В англо-американских академических кругах политическую философию часто называют политической теорией, поскольку границы между двумя дисциплинами во многих случаях размыты, проблемы схожи и методы исследования часто дополняют друг друга. В европей-

ской традиции чаще говорят именно о политической философии, желая подчеркнуть нормативный характер мышления и традицию философствования. Тем не менее, при всем сходстве двух областей знания, между ними есть и существенные различия. Часто чуть ли ни любой раздел абстрактного знания называют «теорией». Однако этого утверждения недостаточно.

В академическом дискурсе теория связывается, прежде всего, с объяснением — это идея или совокупность идей, направленных на упорядочивание феноменов. Теория конструируется обычно в виде гипотезы, которая затем проверяется на практике через обращение к эмпирическим фактам. Политология, как и всякая другая наука, имеет значительный теоретический компонент. Она часто включает как эмпирический, так и нормативный подходы, и ориентируется скорее на объяснение феноменов, нежели их оценку. В этом случае политическая наука несет на себе печать общенаучной парадигмы. Политическая философия же, наоборот, прежде всего связана именно с оценкой фактов и явлений, то есть, неотделима от ценностного измерения.

Для знаний, полученных на эмпирическом уровне, характерно то, что они являются результатом непосредственного контакта с «живой» реальностью в наблюдении или эксперименте. На этом уровне мы получаем знания об определенных событиях и фактах, выявляем свойства интересующих нас объектов и процессов, фиксируем отношения и, наконец, устанавливаем эмпирические закономерности. Теория строится с ясной направленностью на объяснение объективной реальности. Главная задача теории — описать, систематизировать и объяснить все множество данных эмпирического уровня. Однако теория строится таким образом, что она описывает непосредственно не окружающую действительность, а идеальные объекты. Идеальные объекты, в отличие от реальных, характеризуются не бесконечным, а вполне определенным числом свойств, что позволяет его интеллектуально контролировать. В теории задаются не только идеальные объекты, но и взаимоотношения между ними, которые описываются законами. В итоге теория, которая описывает свойства идеальных объектов, взаимоотношения между ними, а также свойства конструкций, образованных из первичных идеальных объектов, способна описать все то многообразие данных, с которыми ученый сталкивается на эмпирическом уровне.

Роль теории в науке определяется тем, что в ней мы имеем дело с интеллектуально контролируемым объектом, в то время как на эмпирическом уровне — с реальным объектом, обладающим таким большим количеством разнообразных свойств, что осмыслить их все не представляется возможным. Как бы там ни было, для целей данной статьи — попытки определения «практичного знания», не столь уж существенно различие политической философии и

теории политики, важнее сама постановка вопроса о нераздельности всех уровней познания политического и ущербности ограничения только одной областью — прикладной.

Вернемся к смыслу понятия «практичного знания». Отметим также, что «практичное знание» ни в коем случае не означает популяризацию достижений науки, которое направлено, прежде всего, на просвещение, донесение до общественности смысла научных достижений, сколь бы непонятными они ни были вне относительно узкого круга профессионалов. Этим занимаются научно-популярные книги и журналы, такие как «Знание-сила», «Наука и жизнь», и т.д. Но это ни в коем случае также и не упрощение, примитивизация знания, а донесение научных достижений в доступной для потребителя форме и, часто, в соответствии с его предполагаемыми ожиданиями. Именно поэтому междисциплинарность, столь популярная в последнее время, зачастую несет в себе угрозу утраты языка науки, возникшего отнюдь не случайно и не по чьей-то прихоти, и резкого снижения уровня дискуссии (Бог, как известно, в деталях).

Хочу быть правильно понятой. Я говорю не об отказе от междисциплинарности как таковой. В ряде случаев она — чуть ли не единственная возможность выйти за пределы узкого дисциплинарного поля и найти новые интересные результаты. Я имею в виду своего рода «сервильную» междисциплинарность, максимально приближенную либо к изрядно устаревшему здравому смыслу, либо к наборам стереотипов аудитории. В конечном счете, «практичное знание» — это систематическое возвращение политической теории к тем задачам, которые она перед собой ставила изначально — поискам способов разрешения, осмысления и оценки самого важного, наиболее актуального для сегодняшней политики. Так, проблема зарождения бюрократического аппарата подвигла Макса Вебера на разработку теории рациональности, необходимость в прогнозах породила концепцию аналитического прогнозирования, массовый выход женщин на рынок труда привел к появлению разветвленной и гетерогенной политической философии феминизма и т.д.

На первый взгляд, более востребованными оказываются так называемые теории среднего уровня. Однако это только на первый взгляд. Как правило, они не в состоянии *объяснить* принимаемые политические решения, равно как и их последствия для реальной исторической практики, поскольку обычно говорят об интересах и мотивациях государств, социальных групп, партий, лидеров и т.д., но не отвечает на любимый вопрос политической философии: «почему?». Политико-теоретический подход предполагает обращение к «генетическим» проблемам, предопределяющим поведение политических акторов. Для этого необходимо овладение, как минимум, четырьмя типами знаний, полагает американский политический теоретик Александр Джордж<sup>6</sup>:

- во-первых, необходима общая концептуальная модель, идентифицирующая критически важные переменные стратегии, позволяющей эффективно разрешать обсуждаемую проблему. Такое концептуальное понимание вскрывает общую логику успешного использования того или иного политического инструмента. Но это еще не стратегия, а всего лишь точка отсчета в конструировании такой стратегии, относящейся к конкретной ситуации и учитывающей возможности и интересы политиков;
- во-вторых, знание о том, как именно политик формулирует общую концепцию проблемы, превращая ее в специфическую стратегию;
- в-третьих, необходим правильный образ противника, на чье поведение политик намеревается оказать влияние. Теоретики в целом соглашались с тем, что для того, чтобы выстроить правильную политическую стратегию, необходимо встать на точку зрения противника данного политического курса или решения. Действительно, только в этом случае, возможно поставить точный диагноз развивающейся ситуации и выбрать наиболее оптимальный путь коммуникации. Искаженные образы Другого часто становятся источником ложной перцепции и ошибок;
- в-четвертых, политик нуждается в «генетическом знании» условий, делающих возможным эффективное использование данной стратегии. Именно формирование эмпирически обоснованного знания помогает построить своего рода «мост» между академическими исследованиями политических теоретиков и потребностями лиц, творящих политику. Систематическая переоценка опыта прошлого и ее осмысления позволяет сформулировать условные обобщения (разумеется, носящие вероятностный характер), облегчая идентификацию условий и обстоятельств, которые могут привести к неустеху избранную стратегию.

Вопрос о сокращении разрыва между политической теорией и практикой приобретает особенно важное значение во времена нестабильности, резких скачкообразных изменений, крутых исторических поворотов. Именно тогда во весь рост встают нерешенные общие проблемы. Назовем лишь некоторые из них: что происходит сегодня с государством, изменяется ли на наших глазах его природа?; каким должен быть мир после кризиса?; сохраняет ли гражданское общество свое значение в ситуации заметного разрыва социальных связей? возможен ли «откат» глобализации после кризиса? Диагноз политической проблемы и контекста, в которой она возникла, должен предшествовать, подобно тому, как это происходит в медицинской практике, выбору возможных рецептов для ее решения. С этой точки зрения, политический мыслитель в чем-то подобен врачу — эта аналогия, неоднократно всплывавшая в истории политической

мысли, отнюдь не утратила своей актуальности<sup>7</sup>.

Нахождение причинно-следственных связей с опорой на огромный всечеловеческий опыт политической мысли позволяет разрабатывать значительно более успешную технику интервенций в политику, нежели это допускает простой здравый смысл и опыт отдельно взятого индивида или небольшой группы. Даже в том случае, когда она обладает властными ресурсами и полномочиями. Однако необходимо сделать весьма существенную оговорку. Всякая абстрактная теория представляет собой совокупность каузальных утверждений и обобщений, преодолевающих время, пространство и содержание конкретных вопросов, она разработана для объяснения общих тенденций и паттернов поведения соответствующих политических акторов. Именно поэтому она может показаться не имеющей отношения к разрешению конкретных проблем.

И все же, несмотря на то, что политическая философия относится к практической философии, ее значение не может и не должно получать оценку в зависимости только и исключительно от ее практической применимости. Это означает, что, в конечном счете, политическая философия призвана также заниматься «чистым» познанием, и ценность ее достижений должна оцениваться не столько политиками, сколько коллегами из академической среды. Однако это касается чисто теоретических споров, в повседневности, наоборот, разрыв между теорией и практикой должен быть сокращен, хотя никогда не будет уничтожен полностью (подчеркнем, что речь идет именно о политической философии, а не о политических идеологиях, имеющих совершенно иную задачу).

Ключевое слово при разговоре о «практичном знании» — **релевантность**. Между тем, именно с этим связано немало проблем. Американский политолог Ойген Михэн писал, что в политической науке «преподаватели учили преподавателей для того, чтобы они обучали преподавателей для того, чтобы они учили преподавателей и т.д. до *ad nauseam*... Результатом этого стала схоластика чистая и простая, минимально связанная с развитием познания, связанного с обоснованным стремлением к разумным целям<sup>8</sup>». Теория и исследование обычно оцениваются на основе их связности, аналитической сложности и, прежде всего, на основе утонченности использованных концептуальных и исследовательских инструментов, а отнюдь не на основании их практической ценности. Более того, как только знание связывается с текущей политической повесткой дня, автор рискует получить обвинение со стороны своих коллег в идеологической предвзятости или партийной приверженности.

Но даже если научное исследование может быть сочтено релевантным, сама природа социальных наук, ее концептуальные и методологические основания помещают ее «открытия» вне пределов процесса принятия решений со стороны правительственных

чиновников или политических лидеров. Их интересует решение конкретных практических проблем и защита государственных интересов, иными словами, их интересует вывод, а отнюдь не внутренняя структура рассматриваемого вопроса или смысл используемых концепций.

Сказанное в многократном размере относится к изучению международных отношений и внешней политики. Обещание прагматической утилитарности политической теории не может быть единственным аргументом в пользу узаконивания необходимости политической теории, знание не может оставаться только площадкой для академических дебатов или ступенькой для карьеры в академической сфере. Качество знания, причем даже наиболее высоко теоретического и обобщенного только выигрывает и обогащается, если соответствует «вызовам» практики. Иными словами, связь между теорией и практикой должны быть «улицей с двусторонним движением». Кстати, это хорошо понимали многие, особенно российские политические мыслители второй половины XIX — начала XX вв., особенно принадлежавшие к либеральной и позднее марксистской традиции, однако линия прервалась.

Но если мы хотя бы не на много отойдем от наиболее тривиальных утверждений относительно глобальных целей, то всякая незначительная цель обязательно окажется подчиненной им, прямо или косвенно, и находится по отношению к ним в инструментальных отношениях. Иными словами, всякая нетривиальная общественная цель — это всегда инструментальная цель, поэтому виртуально все политические аргументы и политические споры, даже с относительно широкими общими рамками политических ценностей, реально включают в себя средства. Сегодня представители различных идеологических течений редко спорят о конечных целях, а обычно о правильных методах движения по отношению к ним. Никто не станет оспаривать необходимость ограничить бедность, однако острые дебаты разгораятся вокруг того, следует ли это делать с помощью правительственных мер или нерегулируемых рыночных сил. Редко можно встретить с несогласием по поводу необходимости в принципе начального и среднего образования, но у каждого есть собственное мнение по поводу того, как именно следует преподносить знание молодому поколению и какие именно предметы должны быть приоритетными, а также должны ли наряду с общественными школами существовать и частные школы. Все согласны с тем, что мир желателен; однако относительно правильного соотношения применения военных сил и дипломатии уже возникают вопросы.

Поскольку споры почти всегда касаются способов достижения целей, то они относительно ценностно свободны, оставляя ценностно насыщенные цели демократическому процессу. Поэтому по большому счету, различия между целями и средствами, целями

и инструментами на протяжении большей части времени вообще не имеют смысла. Однако, сознательно или нет, участники споров оценивают факты в свете своих ценностей или целей.

В отличие от фундаментальных естественных наук, в которых оценка результатов исследований обычно ограничивается мнением профессионалов, в области политического знания картина совершенно иная: оно изначально сориентировано на то, чтобы «помочь» власть предержащим, с одной стороны, и широким народным массам в демократическом обществе, с другой. Тем не менее, следует подчеркнуть, что скорее в последнем случае речь идет не вообще о достижениях политических наук, а только об определенном их аспекте или части. Так, проблемы эпистемологии вообще не должны выходить из рук профессионалов, поскольку качество исследования может оцениваться только на основании определенных критериев соответствия канонам научного исследования, то есть только со стороны тех, кто освоил и пользуется в своих исследованиях этими канонами. Однако, понятно, целью исследования не может быть только демонстрация изящества эпистемологических достоинств. Основной целью науки, в том числе и политической, является поиск ответа на важные вопросы относительно социального мира. Так, американский социолог и политический мыслитель Скотт Грир сформулировал три типа вопросов, которые, как правило, оказываются в центре интереса ученых соответствующего профиля<sup>9</sup>:

- к первой группе вопросов он отнес проблемы политики, непосредственно связанные с конкретными проблемами сегодняшнего дня и которые необходимо разрешить. Они практичны в том смысле, что проблема в принципе решаема. Они являются «горящими» в том смысле, что какой-то сегмент общества заинтересован в их скорейшем разрешении. Иными словами, здесь возникает проблема адресата — власти и широкой общественности;
- вторую категорию проблем автор связал с общей политической теорией, вытекающей из потребности рассматривать социальное существование с точки зрения осмысленной системы институтов и отношений, в связи с чем появляется потребность в гармонизации теоретического познания и реальной действительности. Научные проблемы в этом случае возникают вследствие несовпадения между признанными мировоззрениями и фактическими свидетельствами. Целью такого исследования становится разрешение когнитивного диссонанса либо через интегрирование свидетельств или новых идей в рамки существующих взглядов, либо через создание нового, более уточненного подхода интеллектуального мышления;
- третью группу проблем исследователь выводил из внутренне присущих каждой дисциплине вопросов. Это, прежде всего, внутренняя совместимость

научных теорий, равно как и их соответствие наблюдаемым свидетельствам. Следовательно, проблемы, которые необходимо разрешать в данном случае, вытекают из валидности существующих теорий или их эмпирической достоверности.

Последняя группа вопросов редко выходит за пределы академического сообщества, поскольку предполагает соответствующую подготовку и образование. Однако первые два класса проблем открыты для оценок и дискуссий среди широкой общественности. Разрывы между политическими взглядами и реальной практикой могут быть признаны на разных уровнях общества, и такой интерес может иметь своим источником повседневный опыт обычных граждан в той же мере, как и в академических изданиях. Определенные сегменты публики вполне в состоянии оценить успех или неудачу интеллектуальных усилий. Это, разумеется, в первую очередь относится к первой группе вопросов, то есть к тем, которые связаны с текущей политикой. При этом, все названные группы вопросов могут носить взаимодополняющий характер.

Очевидно, что релевантность исследования определяется направленностью на процесс или субстанцию политики. Теория, изучающая процессы, имеет своей целью подъем качества политики в целом, не говоря о специфических результатах политики. Например, Александр Джордж в книге «Президентское принятие решений во внешней политике: эффективное использование информации и совета», связывает определенные слабости политического процесса с искажениями и нарушениями в информационном потоке, поэтому его целью стало изучение способов организации процесса с тем, чтобы минимизировать подобные искажения и улучшить качество политического анализа и подготовки решений<sup>10</sup>.

Отсюда особое значение приобретает субстантивная теория, под которой мы понимаем конкретизирующую вопросы теорию, которая идентифицирует причинно-следственные связи, стоящие за результатами, окружающих интересующий нас вопрос. Ее целью является формулирование общих предположений относительно отношений между переменными, оказывающими влияние на желательный результат. Это открывает возможность политикам принимать решения, позволяющие избежать прежних ошибок, сомнительных исторических аналогий или бюрократических привычек, не учитывающих изменившиеся обстоятельства. Можно сказать, что знание становится политически релевантным в том случае, когда оно устанавливает совокупность возможностей для политики и/или идентифицирует последствия различных курсов действий. «Знание, — пишет Мирослав Нинчич, — политически релевантно, если оно разъясняет ряд выборов, доступных для достижения политических целей, равно как оценки последствий при выборе определенной политики, а не какой-то другой, с тем, чтобы достижение желательных целей могло бы быть выведено из него<sup>11</sup>». Некоторые ученые считают, что

миссией исследования международных отношений является поиск пути к лучшему миру, совершенствованию международной системы, т.е. понимания политики для того, чтобы ее усовершенствовать.

Поэтому, как можно предположить, «политически релевантная теория» отличается и от идеографического политического анализа и от фундаментальной политической теории. Она призвана дать обобщения, на которые опирается политический анализ, в то время как последняя обеспечивает ее эмпирическим основанием для этих обобщений. Фундаментальная политическая теория, также как политически-релевантная теория, к которой мы обращаемся в «практическом знании», стремится дать обобщения относительно международных отношений, но делает это без всяких отсылок к их дальнейшему потенциальному применению. Поэтому различие между ними связано не с **уровнем анализа**, и не с **методом**, а только и исключительно с **целью исследования**.

Нередко можно слышать возражения, что релевантность может заставить науку служить политическим и даже партийным интересам, принуждая знание соглашаться с ненаучными целями. В самой скромной форме это выглядит как опасение, что «как только появляются внешние влияния на выбор проблем (а, следовательно, и результатов) «объективность» науки утрачивает какое-то важное измерение». Ганс Моргентау — один из «отцов-основателей» «политического реализма», например, ставил вопрос о том, «может ли научное творчество в уме ученого, будучи привязанным к практической цели, внешней и, поэтому, лишенной спекулятивного любопытства, благодаря которому процветали великие научные открытия прошлого, оставаться собственно наукой?»<sup>12</sup>, и отвечал на этот вопрос утвердительно.

Понятно, что политики, принимая решения, обычно имеют дело с множеством разнообразных переменных, поэтому в принципе должны опираться на богатую теорию, то есть такую теорию, которая в состоянии охватить множество переменных. Такая теория, по-видимому, должна отвечать двум критериям: во-первых, ее содержательная сторона в целом сохраняет свою актуальность в течение достаточно длительного времени; и, во-вторых, она должны содержать хотя бы какие-то индикаторы, указывающие на конкретные условия, при которых они могут быть применимы, т.е. фиксировать ограничения. В конечном счете, такие теории играют роль своего рода тестера, напоминающего политикам о многочисленных условиях и переменных, которые могут оказать решающее влияние на достижение поставленной цели. Наконец, они должны выявить и акцентировать в форме обобщений те наиболее благоприятные условия, которые могут обеспечить успех задуманных действий. Например, когда Джон Роулс обосновывает свою теорию справедливости, он неоднократно повторяет, что она может быть применена только в «богатых и

преуспевающих» обществах, а отнюдь не в отсталых странах, где для этого просто нет надлежащих условий<sup>13</sup>.

Таким образом, политическая релевантность — это более широкая концепция, нежели просто инструментальная форма как может показаться на первый взгляд. Отсюда — необходимость привлечения широких теоретических обобщений при обсуждении проблем как внутренней, так и внешней политики. Однако, несмотря на всю свою амбициозность, политико-теоретическое знание может иметь только косвенное и ограниченное влияние на процесс формирования и осуществления политики. Иными словами, политическая теория принципиально нуждается в «посреднике», «мосте», «разделительной полосе» с текущей политической практикой. Или иначе, необходима определенная дистанция, без которой наблюдение, анализ и оценка происходящего невозможны в принципе. Тем не менее, она создает необходимый контекст, или, лучше сказать, «бэкграунд» как для лиц, принимающих решения, так и для наблюдателей, делая возможным анализ политического поведения в конкретных ситуациях. Прежде всего, политическая теория в состоянии быть весьма полезной при анализе проблемной ситуации, равно как и определении потенциальной эффективности избранной стратегии в данном конкретном случае. Именно в этом проявляются две базовые функции политической теории — *диагностическая* и *предписывающая*.

Политическая теория, как известно, выступает в трех основных формах:

- *конструктивизма* — когда она создает (конструирует) идеальный образ какой-то структуры или решения какой-то актуальной политической проблемы, отвечая на вопрос: а как **должно** быть?
- *артикулирования* — то есть раскрытие содержания и прояснение смысла той или иной концепции (например, государства, бюрократии, конфликта и т.д.).
- *интерпретации* — постоянное возвращение к политико-философским текстам, в том числе «классическим», стремление переосмыслить их под влиянием нового исторического опыта, найти там идеи и пласты, не всегда заметные современникам, но актуализирующиеся здесь и сейчас.

И каждая из этих форм свидетельствует, что в случае с политической теорией речь идет не о теории ради теории, а о теории особым образом препарированной, пропущенной через реальность сегодняшнего дня, когда она по определению становится более практичной, нежели сборники предельно упрощенных рекомендаций и полезных советов. Кроме того, как об этом писал в своем эссе «О классической политической философии» Лео Штраус, политическая философия и теория вновь и вновь напоминают о более высоких добродетелях по отношению к политическим, на что в обычных условиях у политика нет ни времени, ни желания обращать внимание. Речь идет о моральных

и нравственных аспектах публичной, общественной деятельности.

«...Отношение классической политической теории к политическим вещам всегда было сродни отношению к ним просвещенного государственного деятеля; оно не было отношением отстраненного наблюдателя, взорающего на политические вещи, подобно зоологу, который рассматривает больших рыб, глотающих маленьких, или отношением социального «инженера», мыслящего в терминах манипулирования или регулирования, а не в терминах образования или освобождения, или же пророка, уверенного в том, что знает будущее. Короче говоря, классическая политическая философия исходила из того, что политическая жизнь характеризуется соперничеством между группировками, сражающимися за власть внутри политического сообщества. Ее задачей было улаживание этих фундаментальных и типичных политических споров не в духе приверженца какой-либо из партий, а в духе добропорядочного гражданина<sup>14</sup>» — писал этот исследователь.

Иными словами, он рассматривал политическую философию с позиции морали. Возможно, именно поэтому в аморальном обществе и возникают сомнения в ценности политической философии, хотя именно здесь она становится особенно значимой, даже незаменимой. А соответственно и позиция политического философа — не просто позиция равнодушного наблюдателя, а позиция активного участника политического процесса с четко сформулированными моральными

принципами. В этом — одно из важных различий между политической философией и политической наукой, стремящейся как всякая наука к максимально объективному, бесстрастному знанию. Однако человек, лишенный морали, уже перестает быть собственно человеком. Особенно если этот человек — политик.

\*\*\*

Предлагаемый читателю блок статей посвящен разным темам и проблемам, но их отличает то, что все они написаны политическими теоретиками и философами, обращающимися к животрепещущим проблемам современной мировой политики. Научная школа политической теории в МГИМО — в процессе поиска методологии и своего стиля мышления о политике, эпицентром и специфическим стилем которого, как представляется, является именно «практичное знание», открывающее новые возможности и способы взаимоотношений теории и практики.

**Summary:** *The article deals with the problems of the practical side of political theory and political philosophy, and their place in the structure of the cognition of the “political”. Special attention is given to the problem of the “Usable knowledge”, and its relevancy. The difference between the usual political theorizing and “Usable knowledge” of the theory is in the purpose of the study, and not in its methods or articulation. This way of study is especially actual nowadays as a result of the widely spread underestimation of political theory for real politics and education as well.*

#### Ключевые слова

политическая философия, политическая теория, теории среднего уровня, практическое знание, теория и практика, диалогичность, релевантность теории.

#### Keywords

political philosophy, political theory, usable knowledge, theory and praxis, dialogue ability, relevancy of the theory.

#### Примечания

1. Пятигорский А. Что такое политическая философия: размышления и соображения. М., 2007. С. 55.
2. В английском языке достаточно четко различаются “usable knowledge” (полезное, практическое знание) и “applied knowledge” (прикладное знание, т.е. знание, предполагающее определенную совокупность навыков). Такое различие, на наш взгляд, имеет первостепенное значение для рассуждений о связи теории и практики в сфере исследования политического.
3. Goodwin, Barbara. Using Political Ideas. Chichester: John Wiley and Sons. 2003. P.4.
4. Казанцев А.А. Политическая наука: проблема методологической рефлексии // Полис. 2001. № 6. С. 53.
5. Штраус, Лео. О классической политической философии. — Штраус, Лео. Введение в политическую философию. М., 2000. С.63.
6. George, Alexander. Presidential Decision Making in Foreign Policy: The Effective Use of Information and Advice. Boulder: Westview Press. 1980. P. X1.
7. Куриц С.Я., Воробьев В.П. Болезни государства. Диагностика патологий системы государственного управления и права. М.: МГИМО-университет. 2009.
8. Meehan, Eugene. The Foundations of Political Analysis: Empirical and Normative. Homewood: Dorsey Press. 1971. P. 244.
9. Greer, Scott. The Logic of Social Inquiry. Chicago: Aldine. 1969.
10. George, Alexander. Presidential Decision Making in Foreign Policy: The Effective Use of Information and Advice. Boulder: Westview Press. 1980.
11. Ninic, Miroslav. Policy Relevance and Theoretical Development: The terms of the Trade-off. // Being Useful. Policy relevance and International Relations Theory. Ed. by Miroslav Nincic and Joseph Lepgold. Ann Arbor: The University of Michigan Press. 2003. P. 21.
12. Morgenthau, Hans. Servant or Master. NY: New American Library. 1972. P.88.
13. Rawls, John. A Theory of Justice. Harvard: Harvard University Press. 1971.
14. Штраус, Лео. О классической политической философии. — Штраус, Лео. Введение в политическую философию. М., 2000. С.62–63.